

ЛУКАВСТВО, НАРОД, ЭЛИТА: КОММУНИКАТИВНАЯ СРЕДА И ЛЕКСИКА

С. Г. Воркачев

Кубанский государственный технологический университет

Поступила в редакцию 12 марта 2014 г.

Аннотация: на материале современных масс-медийных текстов исследуются социально и культурно обусловленные изменения в семантическом составе глагола «лукавить», прилагательных «народный» и «элитный/элитарный».

Ключевые слова: семантические изменения, лукавство, народ, элита.

Abstract: socially and culturally conditioned changes in the meanings of the verb «lukavit», adjectives «narodnyj» and «elitnyj/elitarnyj» are investigated on the material of the contemporary mass-media texts.

Key words: semantic changes, slyness, people, elite.

Лексическая система языка, как и любая сложно организованная система с множеством разнородных элементов, между которыми устанавливаются разнокачественные связи, в достаточной мере инерционна: социально-политические, экономические и культурные изменения общества, коммуникативные нужды которого она обслуживает, отражаются в ней не случайно и отнюдь не линейно. Например, мы по-прежнему говорим, что солнце всходит и заходит, стреляем из пушек и т.п.

Социально-политические изменения прежде всего отражаются в интенсивности прямых заимствований в родной язык из чужих языков, что позволяет оперативно заполнить возникающие лексические лакуны – достаточно взглянуть на очередную волну англицизмов, пришедшую в последние десятилетия в русский язык. После прямого заимствования идет скрытое – семантическое калькирование: нам уже рекламируют с телевизионных экранов «деликатный» вкус кофе и призывают покупать «оригинальные» запчасти к японским автомобилям. Однако социально-политические изменения отражаются и на исконно русской лексике, трансформируя ее семантический состав, главным образом в стилистическом и оценочном плане.

Так, наблюдения за современным речевым функционированием в медийном дискурсе глагола «лукавить» [1] и прилагательных «народный» и «элитный/элитарный» [2] позволяют говорить об определенных семантических сдвигах в их лексическом значении, обусловленных социально-политическими изменениями коммуникативной среды.

Со стороны говорящего основная речевая функция глагола «(с)лукавить» во всех лицах и временах,

отличных от 1-го лица настоящего времени, – разоблачение какого-либо обмана, предметного или вербального. Сам же обман, выступающий объектом лукавства, представлен в той или иной степени ложной ситуацией либо ложной вербализацией такой ситуации.

Нужно заметить, что «предметный» обман передается глаголом «лукавить» относительно редко, на порядок реже обмана вербального. В подавляющем же большинстве случаев речевого употребления глагол «лукавить» передает обман вербальный, о чем чаще всего свидетельствует присутствие в ближайшем его окружении лексических единиц со значением речевой (устной и письменной) деятельности: «Он *лукавит*, когда *говорит*, “что только выполнял указания”»: по-разному выполнялись они, да и разные были указания» (Аграновский); «*Утверждая* это, Иван Григорьевич явно *лукавит* – по-видимому, в расчете на наивного читателя» (Щеглов).

Количественный диапазон «вербального обмана», передаваемого глаголом «лукавить», достаточно широк. Это может быть умолчание («пассивная ложь»): «Хотя я *слукавил*, умолчав про подвал, в моем хвастливом заявлении – неожиданная правда» (Петросян). Это может быть обычная, никак не квантифицированная ложь: «Кирилл Афанасьевич *лукавил*, комдив Виноградов вместе с начштаба дивизии Волковым и начальником политотдела Пахоменко были расстреляны» (Солдат удачи, 2003.11.05). Однако чаще всего «лукавить» номинирует ложь частичную, «полуправду», которая вроде бы не совсем ложь и которой можно найти оправдание, о чем свидетельствует сопровождение глагола наречиями-смягчителями категоричности («несколько», «слегка», «немного», «малость» и пр.): «Наверное, он *немного лукавит*, когда говорит, что его жизненный опыт равнозначен

опыту заброшенной в этот хаотический мир молекулы, которая не знает, куда ее вынесет» (Вестник США, 2003.12.10).

При всей нетерпимости к лукавству в религиозном дискурсе глагол «лукавить» в современном языке значительно слабее в своей обличительной силе, чем глаголы «лгать» или «врать»: «Получается, что американцы *нагло врут*, и все это знают? – Если не врут, то *лукавят* – точно» (Комсомольская правда, 2004.06.09); «Публикуя эти цифры, чиновники *не лгут* – они просто *лукавят*» (Труд-7, 2003.09.19). «Лукавить» чаще всего в современной речи – это эвфемистический вариант «лгать»: «Да *лукавит* он, если *интеллигентно говорить!* – когда режиссер Леонид Якушев комментировал высказывание своего шефа, он просто кипел от возмущения» (Комсомольская правда, 2008.12.24).

Субъектами лукавства в художественном и бытовом дискурсе выступают, как правило, отдельные личности вне своей социальной роли: «Как разбойник, как злодей, / Над святынями людей / Беспреданно он *лукавил*» (Мятлев). В масс-медийном дискурсе лукавят уже представители профессиональных сообществ – продавцы, производители, страховщики, пивовары, банкиры, журналисты, нефтяники, сетевики, маркетологи и пр.: «Однако, по мнению аналитиков и участников рынка, региональные *банкиры* слегка *лукавят*» (РБК Daily, 2004.07.14); «Стоит отметить, что *пивовары* несколько *лукавят*» (Новый регион 2, 2004.07.02).

Лукавят и коллективные субъекты – компании и организации: «Иногда *видеофирмы* малость *лукавят*, вводят в заблуждение покупателя» (Известия, 2001.08.17); «И когда *профсоюзы* сравнивают коэффициент замещения заработка у нас и за рубежом, они несколько *лукавят*» (Труд-7, 2007.05.25).

Особой «популярностью» в дискурсе СМИ пользуются «лукавые деятели» – представители всяческих элит и институтов власти, лукавящие перед своим «партнером» – народом. Это прежде всего политическая элита – президент, правительство, министры, губернаторы, депутаты, мэры, префекты, чиновники всех уровней: «Помогите, пожалуйста, разобраться, в чем *лукавит* наша *исполнительная власть?*» (Мир & Дом. City, 2003.04.15); «Между тем *правительство* сильно *лукавит*, связывая повышение ставки налогообложения дивидендов с борьбой по оптимизации гражданами своих доходов» (РБК Daily, 2004.08.02); «Двусмысленность сложившейся ситуации невольно подталкивает к мысли, что *Президент* *лукавит*, перестраховывается, создает фигуру, которая могла бы оттягивать на себя возможное недовольство непопулярными или неграмотными действиями Кабинета» (Огонек. № 4, 1991). Это судебные институты, силовые и правоохранительные структуры, а также

церковные власти: «Надо сразу сказать: господин *прокурор* явно *лукавил*» (Труд-7, 2003.07.16).

В российской политической системе общая демократизация общества, гласность и свобода слова, позволившие критиковать власти, с одной стороны, и наследственная боязнь «обидеть» эту власть – с другой, определили выбор в масс-медиа для обозначения лжи вполне «политкорректного» глагола «лукавить». В то же самое время становление рыночных отношений, основанных на принципе «не обманешь – не продашь», вызвало количественный рост номинаций межличностной лжи и обмана, и тут весьма кстати пришелся глагол «лукавить».

Прилагательные, производные от ЛСВ «народ-люди» и «народ-население», аксиологически и идеологически нейтральны, прилагательные, производные от ЛСВ «народ-этнос» и «народ-нация», приобретают оценочные и субъектно-позиционные коннотации, будучи конкретизированными соответствующими этнонимами: кто-то не любит русское народное, кто-то – американское народное, кто-то – арабское народное и пр., а кто-то, наоборот, любит все это. В то же время аксиологичность и идеологичность в полной мере присутствуют в большей части речевых употреблений прилагательных, производных от ЛСВ «собственно народ», – большинство населения, трудящиеся массы, не элита.

Естественно, высокая эмоционально-оценочная тональность имени «народ» в советский период [3, с. 74], когда народ был по существу тотемным идолом, кумиром эпохи, перешла «по наследству» и производному прилагательному: все народное по умолчанию оценивалось положительно – народная власть, народная армия, народное искусство, народный суд, народное образование, народное достояние и пр.: «На то она и поставлена, чтоб формировать гармонически развитую личность, если, конечно, это *народная, национальная власть*» (Советская Россия, 2003.08.19); «В СССР артисты получали звания “заслуженный”, а если очень заслуженный, то “*народный*”» (Вестник США, 2003.10.01).

Лексикографические источники фиксируют с пометой «устар.» такое значение прилагательного «народный», соотносимое с ЛСВ «народ-чернь», «народ-простолудины», как «в дореволюционной России – предназначенный для низших слоев общества, общедоступный» [4, Т. 2, с. 389]; «в эксплуататорском государстве – устроенный специально для низших слоев общества [5, Т. 7, с. 452]; «общедоступный, для непривилегированных слоев населения» [6, Т. 2, с. 414] – «народная чайная», «народная столовая», «народное гулянье» и пр.: «14 июля пошел я в *народную баню*» (Пушкин); «Я успокоился, увидев азбуку и арифметику, изданную для *народных училищ*» (Пушкин). Однако наблюдения над современ-

ным речевым употреблением лексемы «народный» свидетельствуют о том, что с постоянно усиливающимся расслоением российского общества пейоративный, уничижительный оттенок в ее семантике мало-помалу восстанавливается [3, с. 75], и лексикографическую помету «устар.», видимо, скоро придется снимать.

В современном речевом употреблении прилагательного «народный» можно выделить два типа оценочных оппозиций:

1. «Народный» как любимый народом – большинством населения – и популярный со знаком «плюс»: («Фильм этот – воистину *народный*, любимый всеми, из тех, что можно смотреть десятки раз, и каждый раз с огромным удовольствием» (Известия, 2002.03.31) противостоит «народному» как доступному для народа, т.е. общедоступному и, второсортному, дешевому со знаком «минус», как сейчас стали говорить, «бюджетному»: «Мы не хотим, чтобы у нас появились *народные бани* – как *народный автомобиль*, плохонький, зато дешевый» (Известия, 2001.09.23).

2. «Народный» как проверенный временем, надежный, поскольку присущ народу, со знаком «плюс»: «Хорошо, когда полезные вещи не насаждаются сверху, как те же колхозы или хрущевская кукуруза, а создаются внутри самого общества, превращаясь в бесценный *народный опыт*» (Вестник США, 2003.07.23); «*Народное чутье, народный вкус* – суровые регуляторы речи, и если бы не эта суровость, язык в каких-нибудь пять-десять лет весь зарос бы словесной крапивой» (Чуковский) противостоит «народному» как чему-то сделанному непрофессионально, некачественно, «самопальному» со знаком «минус»: «Чехардин, прищурившись, взглянул на картину: «*Народный примитив...* Впрочем, не без чего-то» (Грекова).

Как представляется, пейоризация оценочных коннотаций в семантике прилагательного «народный» связана с изменением «модальной (как она называется в психологии) личности» – личности, наиболее часто встречающейся в данном обществе: на смену личности коллективистской, ориентированной на большинство, приходит личность, ориентированная на индивидуализм и элитарность, для которой общедоступность и непрофессионализм являются признаками «черни» и «быдла».

Слово «элита» – заимствование из французского языка, где оно обозначает «людей, которые считаются лучшими, самыми заметными в своей группе, в своем сообществе» [7, р. 619]. Этимологически *élite* восходит к латинскому *electus*, -a, -um – страдательному причастию от глагола *eligere*, означающему 1) выдергивать, удалять, полоть; 2) вырывать с корнем, искоренять; 3) выбирать, избирать [8, с. 316].

Между ЛСВ «лучшие, отборные экземпляры, сорта каких-либо растений, животных» (элита¹) и «лучшие представители общества или какой-либо его части» (элита²) лексемы складываются отношения метафорической производности, когда результат искусственной селекции переносится на отбор социальный, не подконтрольный чьей-либо воле и в этом смысле «естественный».

В лексикографии у существительного «элита» фиксируются два адъективных производных – «элитный» и «элитарный», причем везде производность от ЛСВ «лучшие представители общества или какой-либо его части» отмечается лишь для последнего прилагательного: «элитарный – прилагательное к элита (во 2 значении)» [4, Т. 2, с. 758; 9, с. 910; 10, Т. 2, с. 1055], а за «элитным» закреплена производность исключительно от «сельскохозяйственных» ЛСВ.

Судя по данным русских толковых словарей, прилагательные «элитный» и «элитарный» – паронимы: однокоренные лексические единицы, принадлежащие к одной части речи, с различным суффиксальным оформлением и с различным значением. В то же время наблюдения над современным речевым употреблением лексемы «элитный» со всей очевидностью свидетельствуют о том, что она из паронима к «элитарному» превратилась в частичный синоним последнего, вытеснив его в значительной мере в функции производного от ЛСВ «лучшие представители общества или какой-либо его части»: «Эту квартиру оплатил мой отец, а разрешение вселиться в такой *элитарный дом*, конечно, получила для внучки Овчинникова» (Тарасов); «Он знает, где в Москве находится первый “настоящий” *элитный дом*, построенный в 1997-м году и пять лет подряд считавшийся самым лучшим» (Русская Жизнь, 2008).

В первом шаге семантика прилагательного «элитный» расширяется по схеме метафорического переноса из биологической области в область социальную, когда «лучшие, отборные экземпляры каких-нибудь растений или животных» [6, Т. 4, с. 1417] превращаются в «лучших представителей общества или какой-либо его части» [4, Т. 2, с. 758]. В следующем шаге значение «элитного» развивается через ассоциации «лучшего» с «дорогим», а «дорогого» с престижным, имиджевым – «эксклюзивным», «премиум-классом», которые появляются в одном смысловом ряду с «элитным»: «Сначала чиновники устанавливали такую арендную плату, что она была по карману только продавцам *дорогого, элитного товара*» (Биржа плюс свой дом, 2002.12.16); «В торговле к предметам роскоши еще с советских времен и до сегодняшнего дня относят: ювелирные изделия, дорогостоящую посуду, содержащую в своей отделке драгоценные металлы (золото, серебро), дорогостоящие меховые и кожаные

изделия эксклюзивных и элитных производителей...» (Встреча, 2003.02.26); «Клубы высшей категории (5-й) часто называют элитными или *premium*» (Карьера, 2003.11.0).

Распространение речевого использования «элитного» на область «элитарного» сопровождается повышением степени мелиоризации семантики этого прилагательного: «лучший, отборный» становится «самым лучшим, предназначенным для избранных». Процесс этот в определенном смысле дополняет пейоризацию прилагательного «народный».

Лингвоидеологический характер «элитного/элитарного» проявляется в замене положительного аксиологического знака этих лексем на отрицательный со сменой позиционирования субъекта речи – элитарность приветствуется далеко не всеми: «Устойчивое теперь словосочетание “элитный дом” (пример: «Продаем пентхаус на Красной Пресне с видом на Белый дом под офис элитного класса или элитные квартиры») – вот это и есть “черная метка”, врученная моему народу» (Илличевский); «Теперь он призывает контру отвернуть от народа *жирный, элитный зад* и повернуться к нему лицом, “что явно годится быть лицом и ягодицей”» (Молния, 2001.07.10); «Здесь буржуи, видимо, собираются размещать буттики и элитные фитнес-клубы, стриптиз-бары, интим-салоны и прочую погань» (Правда, 2004.10.29); «Куда ни плюнь – «супер», куда не доплюнул – «элита». Элитные подразделения, элитарные клубы, сливочный бомонд» (Мишин).

Прилагательные «элитарный» и «элитный» в социальной функции определяют, главным образом, имена, отправляющие к потреблению и условиям быта представителей «элиты» – от момента рождения до могилы. Это «лучшие» родильные дома, детсады, школы, вузы, апартаменты, товары, магазины, рестораны, клубы, курорты, клиники, гробы и пр.: «Но, родив первую дочку в элитном столичном роддоме, она предпочла второго ребенка рожать дома старым бабушкиным способом: негативные воспоминания о первых родах и уходе за ребенком оказались сильнее страха родить самой, даже без помощи акушерки» (АиФ, 2003); «Естественно, что элитные детские сады стремятся занять как можно лучшие места в городе» (Вслух о..., 2003.07.01); «Есть два типа школ: элитные и для шпаны» (Известия, 2001.09.07); «Почему-то в этом очень трудном, элитном и еще черт знает каком институте для особенно умных не приняты были обыкновенные студенческие штучки вроде шпаргалок или списывания друг у друга контрольных во время отлучек в туалет» (Устинова); «Кино и литература выбирают красивую смерть: на яхте, в швейцарском шале, в Париже, а если в Москве, то в элитном ночном клубе для гомосексуалистов,

политиков или предпринимателей» (Козырева); «Говорят, в элитных клиниках в Москве платят много, но, думаю, туда без нужных знакомств не попасть» (Известия, 2002.12.24); «В рамках жесткой рыночной конкуренции похоронные бюро предлагают своим клиентам множество дополнительных услуг: фото- и видеосъемку на похоронах, оркестр, почетный караул, банкетные залы, элитные гробы и даже пятидесятипроцентные скидки для ветеранов ВОВ» (Хулиган, 2004.08.15).

Таким образом, изменения в лексической части языковой системы не в последнюю очередь связаны с социально-политическими изменениями, симптомами которых они и выступают. В то же самое время изменения в лексике могут быть обусловлены и собственно языковыми, внутрисистемными причинами.

Изменения в российской политической системе: общая демократизация общества, гласность и свобода слова, позволившие критиковать власти, с одной стороны, и наследственная боязнь «обидеть» эту власть, с другой, определили выбор в масс-медиа для обозначения лжи вполне «политкорректного» глагола «лукавить». Вместе с этим становление рыночных отношений, основанных на принципе «не обманешь – не продашь», вызвало количественный рост номинаций межличностной лжи и обмана, и тут весьма кстати пришелся глагол «лукавить».

Наблюдения за современным речевым употреблением лексемы «народный» свидетельствуют о том, что с постоянно усиливающимся расслоением российского общества пейоративный, уничижительный оттенок в ее семантике, который был присущ этой лексеме лет двести тому назад, мало-помалу восстанавливается. Как представляется, пейоризация оценочных коннотаций в семантике прилагательного «народный» связана с изменением «модальной личности»: на смену личности коллективистской, ориентированной на большинство, приходит личность, ориентированная на индивидуализм и элитарность, для которой общедоступность и непрофессионализм являются признаками «черни» и «быдла».

В свою очередь, наблюдения за современным речевым употреблением лексемы «элитный» со всей очевидностью свидетельствуют о том, что она из паронима к «элитарному» превратилась в частичный синоним последнего, вытеснив его в значительной мере в функции производного от ЛСВ «лучшие представители общества или какой-либо его части». Распространение речевого использования «элитного» на область «элитарного» сопровождается повышением степени мелиоризации семантики этого прилагательного: «лучший, отборный» становится «самым лучшим, предназначенным для избранных».

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С. Г. The kinds of lie : лукавство / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 17–29.
2. Воркачев С. Г. «Народный автомобиль» и «элитные гробы» : ассоциативное поле лингвоидеологемы / С. Г. Воркачев // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1(43). – С. 9–18.
3. Васильев А. Д. Манипулятивные игры в слова / А. Д. Васильев // Филология и человек. – 2007. – № 4. – С. 67–77.
4. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981.
5. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : АН СССР, 1951–1965.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Д. Н. Ушаков. – М. : Астрель-АСТ, 2000.
7. Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Т. 1. – Р. : LE ROBERT, 1990.
8. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М. : Госиздат иностранных и национальных словарей, 1949.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1998.
10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2001.

Кубанский государственный технологический университет

Воркачев С. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры научно-технического перевода

E-mail: svork@mail.ru

Тел.: (861)-259-75-23; 8-918-49-44-580

Kuban State Technological University

Vorkachev S. G., Doctor of Philology, Professor of the Scientific and Technical Translation Department

E-mail: svork@mail.ru

Tel.: (861)-259-75-23; 8-918-49-44-580